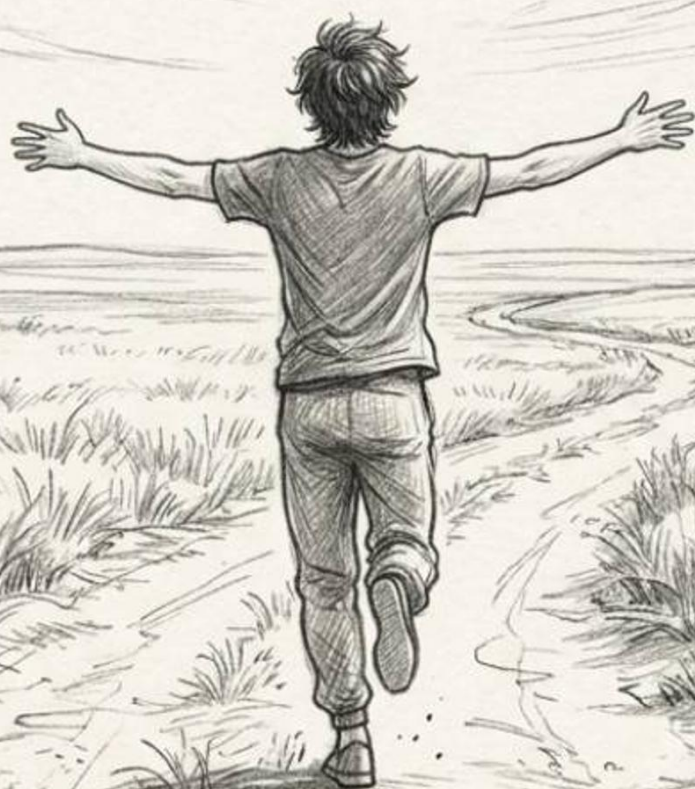

Хроники Сункара

Katsuragi Ryu

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

2026

Ryu Katsuragi

Хроники Сункара

«Автор»

2026

Katsuragi R.

Хроники Сункара / R. Katsuragi — «Автор», 2026

В ауле под Карагандой жара такая, что мухи не двигаются. Сункару четырнадцать. Он путает буквы «Ы» и «И» и не дочитал ни одной книги до конца. Но однажды он берёт с полки томик — «Хроники заводной птицы». Просто потому, что там слово «птица». И с этого момента он видит колодец, которого нет на карте. Слышит, как бьёт копытом каменный всадник. Находит друга, который рисует людей без лиц. Это история о том, как слово «птица» может стать дверью. И о том, что даже в ауле, где ничего не происходит, можно начать что-то большое.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	6
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Ryu Katsuragi

Хроники Сункара

Глава 1

Меня зовут Сункар. По-русски это значит сокол. Хищная птица.

Я не люблю читать. Русский мне и вовсе даётся тяжело. Я из аула под Карагандой. У нас кое-как ловит мобильный интернет, и из развлечений только шахматный клуб, где завсегдатаи — старики, да библиотека, куда меня отправила мать — чтобы я «не шатался без дела».

За всю жизнь я не дочитал ни одной книги до конца. Я даже буквы иногда путаю. «Ы» и «И» — это вообще одно и то же, если быстро смотреть.

Мне четырнадцать. Лето. Жара такая, что даже мухи сидят на стене и не двигаются.

Но сегодня я взял с полки потрепанный томик. «Хроники заводной птицы».

Я выбрал его, потому что там слово «птица». А птица — это про меня. Сокол — тоже птица, если кто не знал.

Библиотека у нас — одна комната в старом клубе. Полки кривые, книги пахнут пылью и чьими-то руками. Библиотекарша, тётя Роза, смотрит на меня как на вора. Я и есть вор. Я пришёл взять книгу и не вернуть.

Я открыл её на первой странице. Вдохнул запах бумаги — пахнет как комната деда. Кожа, табак, старые газеты. Дед у нас живёт в пристройке, курит в форточку и читает газеты двадцатилетней давности. Мать ругается, что он провонял весь двор. А мне нравится. Я туда хожу, когда хочу, чтобы никто не нашёл.

Вожу пальцем по строчкам. Медленно. Губы шевелятся сами. Я не понимаю половину слов. «Проститутка с ушами». «Колодец». «Заводная птица».

«Проститутка» — это, наверное, какая-то птица. С ушами. Я представляю её: большая, серая, уши как у зайца. Смешно. Записываю в голове — потом расскажу пацанам.

Читаю дальше. Про колодец. Человек спускается в темноту. Ищет что-то. И не находит.

Я перечитываю этот кусок три раза. Не потому что не понял. Потому что понял.

Я выхожу из библиотеки. Дорога разбитая. Асфальта здесь отродясь не было. Только камни, сухая трава и ветер. Ветер у нас всегда. Даже когда тихо — он есть.

Иду и читаю. Вслух, под нос. Слова путаются, я их поправляю. Как будто веду кого-то за руку.

Лето, жара. Спотыкаюсь о камень. Плечо вперёд. Книга — в дорожную пыль. Поднимаю. Отряхиваю небрежно, тряся за обложку. Смотрю — не порвал ли. Не порвал. Иду дальше.

Дверь дома открываю плечом. Не глядя. Так делают все у нас — руки заняты, а дверь не заперта. Захожу в комнату. Пахнет борщом и стиральным порошком. Мать на кухне, гремит кастрюлями. Не окликает. Значит, не заметила, что я вернулся.

Падаю на софу — старую, продавленную, с выцветшей обивкой. Помню, когда её привезли. Мне было пять. Я думал, что это трон.

Ноги — на подлокотник. Книга на груди. Читаю. Дышу. Слышу, как мать что-то говорит сама себе на кухне. По-казахски. Она всегда так — когда думает, что никто не слышит.

И тут я вижу строчку:

«Всё, что тебе нужно, — это быть здесь и сейчас».

Я закрываю книгу. Смотрю в потолок. Там трещина, похожая на реку. Я знаю её наизусть.

«Быть здесь и сейчас», — повторяю я. Шёпотом. По слогам. Чтобы запомнить.

Но я не здесь. И не сейчас. Я — там. В колодце. В темноте. Ищу что-то, чего не терял.

И, кажется, я знаю, что это.

Глава 2

«...я спустился в колодец. Внизу было темно. Я не знал, что ищу. Но я знал, что найду». Я закрываю книгу. Слова ещё внутри. Гудят. Мне надо куда-то их деть.

Иду в центр гулять. У нас «центр» — это площадка у магазина, где стоит лавка и навес. Всё.

Там — пацаны. Аслан, Ержан, Тимур. Они играют в нарды. Как старики. Сидят на корточках вокруг доски, кости щёлкают. Я сажусь рядом. Смотрю на доску. Никто не здоровается. Но и не гонят.

— Я спускался в колодец.

Аслан поднимает голову. У него кость в руке, он её так и держит на весу.

— Чего?

— В колодец. Вчера. Глубокий. Тёмный. Там портал.

Ержан смеётся. Не зло. Просто смешно.

— Ты чё, больной? Какой колодец? У нас один колодец на весь аул. И он сухой.

— Не тот. Другой. У тётки в Ынтылы.

Тимур хмурится. Кладёт кость. Смотрит на меня серьёзно.

— Сункар, хорош пиздеть. Нет у тебя тётки. У тебя два дяди. И какой, нахрен, портал?

— Есть. Троюродная. Мы вчера ездили. На день рождения.

Тимур молчит. Смотрит на меня.

— Сункар, ты вчера весь день дома сидел. Я тебя видел. Тебя мать заставила двор мести.

Я молчу. Слова из книги — они были такие красивые. «Внизу было темно. Я не знал, что ищу». А теперь они лежат в пыли, и все на них смотрят.

— Какой портал? — спрашивает Ержан. — Ты чё, обкурился?

— Не обкурился. Я спускался. В колодец. Там темно. И там... вход.

— Куда вход? — спрашивает Аслан, хихикая.

— В другое место. В город. Где я живу.

Пацаны переглядываются. Ержан отворачивается. Тимур вздыхает. Я слышу, как он вздыхает — как взрослый, которому надоел ребёнок.

— Сункар, ты нормальный? Какой город? Ты в ауле живёшь.

— Я не здесь. Я там.

— Где «там»?

Тишина. Кости лежат на доске. Муха садится на кость.

Тимур встаёт. Отряхивает штаны. Смотрит на меня сверху вниз. Я вижу его руки — он сжимает в кулак. Уходит. Ержан идёт за ним. Аслан задерживается.

— Сункар, — спрашивает он тихо. — Ты чё, правда веришь в это?

— Да.

Он молчит. Смотрит на меня. Потом качает головой. И уходит.

Я остаюсь один. Смотрю на доску. Незаконченная партия. Кто-то шёл, но не доиграл. Встаю. Иду домой.

Мать кричит с кухни:

— Сункар! Завтра ты овец гонишь, не забудь!

Ночью я не сплю. Думаю про колодец. Я не знаю, откуда он взялся — из книги или из головы. Но он есть. Я его вижу. Если закрыть глаза — я вижу.

Утром — овцы.

Сажу на лошади. Старая кобыла, спокойная. Зовут Ласка. Она меня знает с детства. Когда я был маленький, я падал с неё три раза. Она каждый раз стояла и ждала, пока я встану.

Вокруг — овцы. Много, словно море шерсти. Они бродят по степи, жуют полынь. Полкан и Бори резвятся рядом со звонким лаем. Полкан — чёрный, Бори — рыжий. Они гоняют друг друга, поднимают пыль.

Жарко. Ветер сухой. Облака куда-то спешат. У нас облака всегда спешат, как будто им тоже надо успеть.

Открываю книгу.

«...овца была не просто овцой. Она была чем-то большим. Чем-то, что нельзя объяснить».

Я перечитываю это три раза. Потом закрываю глаза.

Представляю, как бы выглядела эта овца. Пушистая, со звездой на спине. Она стоит на холме. Одна. И смотрит на меня. Не как овца. Как будто она знает что-то, чего я не знаю.

Открываю глаза. Смотрю на своих овец. И кажется, что там, среди них, — она. Я встаю на стремянах. Считаю. Сорок три. Должно быть сорок четыре. Я считаю ещё раз. Сорок три.

Мать накрывает на стол. Сажусь, беру лепёшку. Горячая. Пальцы терпят.

— Мам. Я сегодня видел овцу со звездой.

Она не поднимает головы.

— Какую овцу?

— На спине звезда. Как на небе.

Ставит передо мной кружку с чаем. Чай с молоком, как всегда.

— Ешь.

— Я серьёзно. Она была на холме. Я хотел её поймать.

— Сункар. Ешь.

Я замолкаю. Откусываю лепёшку. Жую. Она права. Хлеб горячий, вкусный. Я голодный. Всё равно думаю: «Она не понимает. Никто не понимает. Но я знаю, что видел».

Во вторник мы гоняем мяч на пустыре. Аслан, Ержан, Тимур, ещё двое. Ворота — из двух камней. Камни старые, их притащили ещё мои дяди, когда были пацанами.

Я играю плохо. Я всегда играю плохо, но сегодня ещё хуже. Ноги тяжёлые. Мысли не здесь. Всё про колодец.

— Я вчера был в городе, — говорю, когда останавливаемся попить.

Аслан смотрит на меня. Он уже знает, что будет дальше. Но всё равно смотрит.

— Опять?

— Да. В том городе. Где я живу. Там постоянно идёт дождь.

Ержан качает головой. Плюёт под ноги.

— Сункар, ты чё, реально ебанулся? Какой дождь? У нас за всё лето ни капли.

— Не здесь. Там.

— Я пошёл. Настояебал уже твой пиздёж, Сункар.

Он уходит. Ержан идёт за ним. Аслан остаётся.

— Сункар, Тимур сказал, если ты не перестанешь врать, он тебя побьёт.

Он смотрит на меня. Я вижу — он не хочет это говорить. Но говорит.

— Пусть побьёт.

Он не отвечает. Уходит.

Я иду домой. По дороге дом тётки Гульмиры, алыча у калитки. На алыче — Ербол. Сидит на ветке, жрёт. Косточки сплёвывает вниз.

— Созрела?

— Не. Кисляк.

Я стою. Смотрю на него. Он жуёт. Мне хочется что-то сказать. Не про колодец. Про что-то другое.

— Слышь. Ты знаешь, что я дрался вчера? Вот тут ребро болит, походу сломал, козёл.

Показываю поверх футболки. Он жуёт. Смотрит на меня.

— С кем?

— С Человеком-Овцой.

Он перестаёт жевать. Алыча во рту. Он её так и держит.

— С кем?

— С Человеком-Овцой. Он в костюме овцы был.

— Сункар, ты чё, больной?

— Не больной. Я серьёзно. Сказал мне: «Танцуй». А потом он ударил.

Ербол смотрит на меня. Потом смеётся. Косточка летит в траву.

— Где ты его нашёл тут?

— Да иду к Зуле вечером за самогоном отцу, а он там, у оврага, на «шестёре» приехал.

Ссыт стоит. Меня увидал и такой: «Танцуй давай».

Я сам не знаю, зачем это говорю. Никакой «шестёрки» у оврага не было. Но слова идут сами, и я не могу остановиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.